

Собр. Россия, 1985, 15 № 88 № 263

Вячеслав Шугаев

ОТКРЫТИЕ КНИГИ

УРОКИ АКСАКОВА

УРОКИ КНИГИ Сергея Тимофеевича Аксакова «Детские годы Багрова-внука» можно назвать уроками сердца. Все, что родит людей, в этой повести подмечено с особой искренностью, простотой и любовью. Мальчик Сережа открывает для себя радости семьи и радости мира — стихию весеннего половодья, буйную роскошь башкирской летней степи, зимние катания на траках... Сколько этих душевных отпечатков остается в памяти мальчика, чтобы через годы согревать его своим духовным теплом. А углубляясь в «Детские годы Багрова-внука», мы все более понимаем, что и слезы, и необычайная сердечная отзывчивость героев покоятся на несхождостях душевного развития, на отклонениях от гармонии, если под цею подразумевать здесь обостренную совестливость, обостренное внимание человека к человеку, обостренное чувство нравственного равновесия в мире семейного и житейского.

Скажем, излишняя впечатлительность и порывистость Сережи все время сталкиваются с материнскими запретами, и в пылу увлеченностей тем или иным желанием Сережа все время переступает запреты. Они вроде бы незначительны, имеют семейно-бытовую окраску, но в книге постепенно накапливают силу принципа: ни одно отклонение от гармонии нельзя не заметить, не выстрадав его.

Именно, так надо направлять работу сердца на создание благородного, отзывчивого характера.

И вот улавливание малейшего нравственного колебания, малейшего нравственного смущения, раздающегося в отношениях между близкими людьми, немедленный отклик на взгляд, вздох матери и отца — все это делает сердце мальчика Сережи Багрова удивительно зорким. Он видит им и переживает не только родную природу, не только радости и горести в жизни семьи, но из своих младенческих владений он старается разглядеть взрослое будущее, из своей чувствительности выводит контуры своего мужчина. Исклучительно при помощи чувствительного сердца появляются эти милые русские совестливые люди! Из неустанный виноватости, душевного сочувствия и сострадания, из понимания бед, горечей не только собственных, но особенно неистощимого желания разделить тяготы другого, помочь их одолеть — вот откуда берутся беззастенчивые сердца, так украшающие Отчизну, — говорит нам Аксаков. Думаю, в этом суть книги, ее главный духовный узел. Традиция изображения сострадательного, чуткого сердца была устойчивой в русской литературе.

Вспомним хотя бы «Детство, отчество, юность» или вспомним «Кроткую», «Белые ночи», «Былое и думы», вспомним и приобщимся к видению обнаженного сердца, которым русские писатели сознательно натыкались на житейские шипы и драмы, чтобы испытываясь сердце истогло сострадание. Неутихающая боль за несовершенство человека, возмущение этой болью, обжигающая искренность, пытающаяся все примирить и объять нежность — столько спрессовано, пружинено скжато в литературе чувствительного сердца, что уместно здесь сказать: каждая ее страница затягивает в силовое поле сострадания, в этакую спираль сострадания, источающую небывалую нравственную энергию.

В наши дни спираль сострадания, пожалуй, не столь энергична, не столь чувствительно напряжены ее витки, но она есть, как есть и литература, продолжающая аксаковскую традицию, правда, несколько переделанную.

В «Голубой чашке» Гайдара путешествуют отец с дочерью, странствуют по полям и лугам, и мы, читатели, догадываемся, что странствие это скорее всего происходит накануне семейного краха — Маруся, жена и мать, что-то очень хорошо относится к засаждему летчику. Девочка из «Голубой чашки» чувствует, как покачнулся мир, как грустно в нем стало, по чувству ее написано в элегических тонах, не с тою, разумеется, остротой и обнаженностью сердечной, с какой воспринимал семейные бури Сережа Багров, и потому, может быть, элегическую окрашенность мира в «Голубой чашке» воспринимаешь с некоторым недоверием — детское сердце все же расположено не к элегии, а к лирическому буйству.

Любой житейский сквозняк немедленно знобит Шурку из смирновского «Открытия мира», затуманивается, часто печалится ясные глаза Дюшки из тендриковских «Весенних перевертшей». Дюшка очень раним, но не в том смысле, что по любому поводу хнычет или отчаивается, нет, он остро понимает боль другого, даже незнакомого человека и обязательно старается защитить его, уменьшить его боль — опять и опять мы встречаем проявление, пусть малое, великой спиральной сострадания, так трепетно напряженной русской классикой.

ВСПОМНИМ И «Последний поклон» Астафьева. Мальчик Витя часто страдает из-за своего чувствительного сердца, часто мается, что обманул бабушку, что не пожалел толком мать. Может быть, в «Последнем поклоне» наиболее арким уроки Аксакова. Не буквально, разумеется, что, прочитав «Багрова-внука», Астафьев решил сделать свое сочинение по его образу в подобии, нет, конечно. Но по чуткому, отзывчивому сердцу Витя — близкий товарищ Сереже Багрову. Витя недоумевает: почему взрослые так мучают друг друга, творят столько беспредельности — еще не знает мальчик, сколь несовершенна человеческая натура, не знает, но все равно уже пытается как-то рассудить взрослых, пытается простить их и пожалеть: как замечательно, что маленькою чувствительное сердце учит нас быть щедрыми на добро и нежность!

В последние годы, к сожалению, такого рода литература почему-то несколько стушевалась — почти не видать ее и почти не слышать. Обозначился совершенно иной поворот в изображении детского сердца. Каким-то пресыщенным оно стало, под стать неумеренно сытому, какому-то умильно-благостному житию, которое мы создали для наших детей. Мы не надышались над ними: «Кушай, мальчик, как следует, чтобы щечки розовые были! А вот тебе новый костюмчик, вот те-

бе новая игрушка, сломается — другую купим». Усугубляем эту розовость мы и созданием удивительной брони, охраняющей детей от горечей, нелегких и грустных событий взрослого мира. Мы говорим: мальчику еще рано это знать, это еще не его ума дело, и нам поддакивают воспитатели и педагоги. «Выкованная» нами броня постепенно превращает детское сердце в кусок льда.

Дети наши все более наполняются ироничностью к нам, к делам, которыми мы занимаемся, к нашей малерне говорить, одеваться — в сущности, разрешенная нами самими ироничность. Мы вкусно их кормили и поили, дорого обували и одевали, упиваясь возможностью, что мы можем себе это позволить, и надеясь на ответную благодарность — ведь мы так старались... Но сердце их не воспитывали и не заметили, когда оно стало обращаться жирком съесты и снисходительного самодовольства. Ни жалости к нам, ни сострадания к нашим ошибкам и слабостям.

Конечно, современному отроку необходимо идти в ногу с прогрессом, знать счетную технику, основы хозяйствования, но прежде всего надо научиться жалеть мать, бабушку за нелегкость будничной круговерти, школьного товарища за нелепость и нескладность настуры, и так вот, постепенно, приготовлять сердце к сочувству государственным заботам и проблемам.

Увы, никакие компьютеры, никакая счетная техника не приучат маленького человека любить Родину, если мы не будем воспитывать это благородное чувство. А воспитывать можно только приобщением к страданию, к серьезным и сложным проявлениям семейной ли, общественной ли жизни, чтобы маленький человек понимал, какая нова ответственность его ждет. И тогда ему будет не до иронично скользящих отношений, не до съесты снисходительности к заботам и тревогам родителей, если и он станет участником этих тревог.

НЕ НАДО бояться подвергать детей эмоциональным перегрузкам и дома, и в школе: например, со взрослой серьезностью приобщать их к хозяйственным, государственным и семейным проблемам. Было же так в первые годы после революции — любой острый гражданский и политический вопрос любого значения обсуждался на общешкольных собраниях, обсуждался со страстью заинтересованностью — надо возвращать эту жажду откровенности, искренности, возвращать желание помочь взрослым. Как часто мы сами отказываемся от помощи детей: ладно, мол, побудьте еще в счастливом детстве, в счастливой юности, т. е. без проблем и раздумий, и совершаляем, таким образом, большую ошибку.

Эту же ошибку делает и литература, часто избирая предметом изображения ненормальность семейных отношений, наличие вроде бы обязательного драматизма между отцами и детьми, но ведь есть же в жизни трепетное взаимопонимание сына и матери, братца и сестрицы, как говорил Аксаков, — есть между ними высокая сердечность — почему мы не показываем ее? Почему редко показываем прекрасные смысли и прекрасных детей, обладающих чувствительными сердцами? Ах, как они стеснительно и радостно краснеют, когда мы внимательны и дружелюбны к ним, и как они бывают задумчивы и грустны, если мы обращаемся с ними на бегу, вскользь, без должного такта и мысли!

Недавно прочитал повесть А. Лиханова «Последние холода» о прошедшей войне, об эвакуированных мальчиках и девочках из Москвы и Ленинграда, поселявшихся в наших провинциальных городах, которые запомнились новоселам на всю жизнь либо добротой жителей, либо бездушием и черствостью. Герой повести — мальчик, пожалевший однажды голодных эвакуированных — брата и сестру. Он приводит их к себе домой, где тоже нечего есть, где тоже дистрофические обмороки бывают, но мальчик их приводит, потому что у него чувствительное сердце. Мать и бабушка учили его, что бессовестно видеть человеческое страдание и не откликнуться на него. Мальчик видит, как мать и бабушка вздрогнули при появлении голодных гостей, как покраснели, пбо делиться почти нечем — мальчик застывшими глазами следит за ними: неужели мать и бабушка откажут, неужели не откликнутся, ведь сами же учили! Женщины понимают: вот миг, могущий на всю жизнь разбить сердце мальчика, поэтому, даже если придется умереть с голода, нельзя отказать этим эвакуированным. Здесь чувствительное сердце одерживает над сидром съесты замечательную победу, которая позволит мальчику запомнить на всю жизнь: мы — люди и должны помогать выкарабкиваться друг другу из горя и несчастья — в этом смысле нашего пребывания на земле.

Читал недавно новый рассказ Бориса Екимова «Мальчик на велосипеде» и очень понравился. В рассказе братец и сестрица, говоря аксаковским языком, живут вдвоем, потому что мать положили в больницу. Братец отвечает теперь за свою сестрицу, заботится о ней и, утешая, рассказывает ей, какая у них славная и добрая мать, мечтает, когда она выйдет из больницы. Вообще он деятельный мечтатель: смастерил себе самодельные крылья и хочет взлететь, разогнавшись, с горы на велосипеде. Рассказ и кончается эпизодом, когда он пробует взлететь... И такой сердечность веет от рассказа, что опять чувствуешь, как источает энергию спираль душевного сочувствия, сострадания.

...И говоря уже о главном уроке Аксакова, о главном его завете, открытии, мы, видимо, должны признать, что он в своей прекрасной книге показал, как можно вырастить доброго, отзывчивого человека. И, видимо, нашей современной литературе необходимо вернуться к этому аксаковскому уроку. Необходимо щедро вородить добрую старинную тему, чтобы в теперешнем литературном процессе она занимала существенное место. Без благородной, добной, чуткой души не может быть настоящего гражданина, которому предстоит служить Отечеству в третьем тысячелетии. Эта мысль особенно пронзительно звучит, когда мы обдумываем тезисы о воспитании, четко сформулированные в новой редакции Программы КПСС.